

И.И. ЧЕСНОКОВ
(Волгоград)

**РЕЧЕВОЙ АКТ «КЛЯТВА»:
ИСТОКИ И ПЕРВИЧНЫЕ ФОРМЫ
ОБЪЕКТИВАЦИИ**

Описываются психосоциальные истоки и первичные формы объективации речевого акта «клятва». Освещается его взаимосвязь с виндиктивным дискурсом и первыми человеческими ритуалами.

Ключевые слова: *речевой акт «клятва», виндиктивный дискурс, стратегия проклятия, первичные формы объективации, эксплицитный перформативный глагол.*

Общая переориентация исследовательского интереса ученых со значений, выражаемых средствами языка, на знания человека, а также мотивы и интенции его социально значимой знаковой деятельности во многом предопределила становление когнитивно-коммуникативного подхода к изучению языковой личности. Данный подход ориентирует лингвиста на изучение «корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания» [4, с. 9] и выводит в центр исследовательского внимания дискурсивную деятельность как феномен, связанный «с процессами планирования и регулирования внешней деятельности людей, их ориентации в ценностно-коммуникативном пространстве» [1, с. 170].

Особый интерес в этой связи представляет речевой акт «клятва», который, с одной стороны, характеризуется высоким уровнем психологической значимости и обладает большим социотворческим потенциалом, а с другой – является недостаточно изученным с точки зрения мотивационно-целевых параметров и форм объективации в различных сферах общения.

Полагаем, что глубинным психологическим мотивом изучаемого речевого действия является потребность говорящего в доверии со стороны адресата(ов) (не случайно клятва определяется как уверение [10, т. 2, с. 62]).

Данная потребность, в свою очередь, трансформируется в целевую установку, связанную с достижением искомого доверия. Реализуется названная целевая установка в самых разных вербальных формах, которые, на наш взгляд, восходят к фрустрационно обусловленной осознанной и целенаправленной агрессивной знаковой деятельности, по прагматическим параметрам определяемой нами как виндиктивный дискурс (далее – ВД), и, соответственно, первым человеческими ритуалами [17]. Идентификация ВД опирается на существующий в биосемиотике тезис, согласно которому живой организм познает мир посредством цикла взаимодействий с различными его проявлениями [12, с. 28]. Чем чаще и интенсивнее взаимодействует организм с определенной реальией, тем интенсивнее вычлняются из этой реальности опознавательные признаки, и знаки развиваются прежде всего в тех взаимодействиях, которые наиболее регулярны и значимы для поддержания жизненного цикла. На уровне биологической жизни эта область находится в точке пересечения интересов двух фундаментальных инстинктов – бегства и борьбы (агрессии). На психическом уровне организации живой системы складывается система знания, в которой структурирующим фактором является значимость, или ценность, воспринимаемой реальности. Степень значимости, в свою очередь, определяет место данной реальности в системе репрезентаций, и, соответственно, центр системы должна занимать та область взаимодействия организма с внешней средой, которая наиболее значима для поддержания его жизнедеятельности.

Для первых людей наиболее регулярными и значимыми в этом смысле являлись ситуации, в которых присутствовала непосредственная, исходящая от природы, животных и особей *homo sapiens*, угроза их существованию [5; 6]. В подобного рода ситуациях происходит активация общебиологического скрипта, связывающего перцепцию негативного воздействия и ответную виндиктивную реакцию подобием рефлекторной дуги [7, с. 345]. На психическом уровне организации знания при этом формируется ситуа-

тивная эмоционально-когнитивная доминанта (месть), представляющая собой комплекс чувств-мыслей-побуждений, объединенных общей модальностью ведения борьбы [15; 18]. Частотность жизненных ситуаций, в которых пересекаются интересы особей одного вида, ведущих борьбу за жизненное пространство, обуславливает устойчивый характер названной эмоционально-когнитивной доминанты и предопределяет возникновение процесса ритуализации – устойчивого воспроизводства определенной совокупности жизненно значимых действий с изначальной двунаправленной сигнальной функцией: 1) угроза приближающемуся агрессору и 2) призыв к объединению особей одного вида в замкнутую группу [6, с. 173–174]. Подобного рода ритуализованные действия, по мнению этологов, возникают естественным путем, в значительной степени аналогичным эволюции социальных инстинктов у животных [6, с. 188], и, превращаясь в средство общения между особями одного вида, становятся первичными знаками [13, с. 6], на базе которых, в свою очередь, развиваются уже собственно языковые явления [14, с. 22].

Представленная выше интерпретация семантики ритуализованных действий позволяет говорить о том, что ВД (во всем многообразии его современных презентаций) восходит к некогда единому сигналу, посылаемому субъектом угрожающему объекту в качестве ответной угрозы и являющемуся одновременно призывом к объединению сородичей в борьбе с врагом. Данный сигнал ставил адресата-сородича перед выбором: либо «становиться в строй» для устранения угрозы и защиты своей территории, либо подвергаться виндиктивному воздействию и оказываться выброшенным за ее пределы. Третьего в ситуации военного типа, как известно, не дано. «Занимающий место в строю» принимал на себя определенные воинские обязанности, чем подтверждал статус своего и, естественно, подвергал себя угрозе наказания со стороны иерархически организованного сообщества за их нарушение. Именно поэтому клятва как знаково оформленное социальное действие (уже вне наличной ситуации военного противостояния) непременно включает в себя (имплицитно или эксплицитно) идею возмездия за нарушение принимаемых обязательств. Можно сказать и так, что реализующаяся в акте угрозы инвариантная коммуникативно-прагматическая

установка – соблюдай границу, иначе тебя постигнет кара – переориентируется дающим клятву на себя и становится структурообразующим элементом данного социального действия.

Нарушение клятвы членом данного сообщества, как и игнорирование предостерегающего сигнала угрозы противником, ведет к реализации заложенной в данные знаково-вербальные акты виндиктивной составляющей, которая в наиболее общих чертах сводится к предметно-практическим действиям, направленным на физическое уничтожение, выталкивание за пределы своей территории или поругание (т.е. избиение) агрессора. Осуществление названных действий в состоянии повышенного эмоционального напряжения, вероятно, стимулирует знаково-вербальную объективацию и передачу объекту виндиктивного воздействия соответствующих им интенций – убить (или нанести вред здоровью), изгнать, унижить*. Подобного рода деятельность, связанную со знаково-вербальным опредмечиванием и передачей агрессору виндиктивных интенций, зачастую называют одним словом – проклятие. Такое, широкое, понимание проклятия представлено, в частности, в словаре В.И. Даля, где оно определяется посредством глагола *проклинать, проклясть*, который означает «црк. предать анафеме, отлучить от церкви; // в гражд. быту: лишать благоволения; изгонять от себя, лишая наследья и всякого общенья; // ругать, поносить, призывать на кого бедствия, желать кому зла, ненавидеть» [3, т. 3, с. 490]. Близкое к этому определение проклятия встречается и в Малом академическом словаре русского языка, где оно связывается с 1) крайним, бесповоротным осуждением кого-, чего-л., знаменующим полный разрыв с бесповоротным осуждением кого-, чего-л., знаменующим полный разрыв с кем-, чем-л., отторжение (от себя, от общества), а также 2) бранным словом, ругательством [10, т. 3, с. 494–495].

Согласно данным дефинициям, проклятие предстает как категориальная (стратегическая) составляющая ВД, реализующаяся (если использовать современные термины) в рече-

* Вербальными коррелятами названных интенций в современной русской лингвокультуре являются такие идиоматизированные волитивы, как *чтоб ты сдох, пошел в болото*; а также инвективные акты, связанные с присвоением адресату различных имен с общим признаком «отвергаемое» – *мразь, сволочь* и мн. др.

поведенческих тактиках изгнания, поругания и злопожелания, включающего в себя как навлекающие на противника беду паралингвистические, так и вербальные действия.

Вместе с этим существует и узкое понимание проклятия, которое в данном случае приравнивается к злопожеланию в указанных выше разновидностях. Так, в словаре славянской мифологии оно определяется как «словесный ритуал, имеющий целью нанести урон определенному адресату» и представляющий собой «пожелание смерти, болезней, бедности, неудачи, раздоров в семье и пр.», которое «может сопровождаться ритуальными актами, например, бросанием камней, в том числе и на могилу уже умершего человека» [11].

Как бы сегодня ни трактовалось проклятие, оно обнаруживает онтологическую взаимосвязь с центральным элементом ритуала – клятвой. В русской лингвокультуре эта взаимосвязь подтверждается и формально (однокоренными номинантами данных видов знаково-вербальной деятельности), и функционально (возможностью использования (в обыденном общении) переориентированных речевых формул проклятия в значении клятвы): – *А ты вернешься? – Вернусь. – Проклянись. – Чтоб я сдох; Разрази меня гром! Я найду того, кто это сделал!; Гадом буду! Деньги завтра верну!**

Такая возможность, в свою очередь, обусловлена симметрическим строением формируемого ритуалом в сознании людей гештальта границы: каждому элементу добра (или задаваемой обществом и принимаемой индивидом норме поведения) соответствует элемент зла (или кары за ее нарушение). А поскольку проклятие является знаково-вербальной разновидностью кары, то и использование соответствующих ему, но переориентированных, речевых формул в значении клятвы представляется вполне естественным, поскольку эксплицирует то, что содержится в любой клятве, – угрозу возмездия за нарушение устанавливаемых границ деятельности.

Нормы поведения в процессе культурно-исторического развития общества могут меняться, но неизменным остается главный атрибут клятвы – неразрывное един-

ство мысли, слова (знака) и дела, за расторжение которого индивид в конечном счете и подвергается проклятию. Данное обстоятельство обуславливает устойчивый характер гештальта границы, на который впоследствии опираются и индивидуальные клятво-приношения, по своему содержанию не имеющие непосредственного отношения к установленным в обществе юридическим или моральным нормам поведения или даже противоречащие им. Проклятие же по-прежнему остается возмездием (если кара осуществляется от имени группы / сообщества) или мстью (если речь идет о межличностных отношениях) за нарушение покоя и согласия, образованного когда-то единением в ритуальном акте мысли, слова (знака) и дела.

Изложенное выше подводит нас к предположению о том, что переориентированные речевые формулы проклятия и явились первичными формами объективации речевого акта «клятвы», поскольку выражали готовность говорящего подвергнуть себя конкретной магической карательной мере за разрушение единства мысли, слова (знака) и дела, или истинности (т.е. искренности) высказываемого. Что же касается эксплицитного перформативного глагола *клянусь* (т.е. *клян* / *проклинаяю* себя), то его следует считать образованием позднего периода в развитии форм объективации клятвы, связанного с их рационализацией и стандартизацией. Ведь названный глагол, по сути, является продуктом свертывания магических эмоциональных речевых форм в синкретичную (рациональную) единицу, необходимую для институционального общения, где говорящему для реализации коммуникативной цели, связанной с достижением доверия со стороны адресата(ов), достаточно лишь констатировать факт своей готовности подвергнуть себя каре, не называя той или иной ее магической разновидности, за нарушение искренности высказываемого. Приведем пример: *Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, перед святым его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, ..., .. верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться.... В заключение же сей моей клятвы целую Слова [т.е. Евангелие] и Крест Спасителя моего. Аминь*[16].

Следует, правда, отметить, что некоторые скрепляемые глаголом *клянусь* высказывания могут сопровождаться речевыми построени-

* Конечно, в речевом поведении современного человека эти формулы могут и не быть закланиями, которыми они, как мы полагаем, опираясь на опыт изучения стратегии проклятия, являлись изначально [17, с. 195 – 270].

ями, раскрывающими его vindиктивную составляющую: 1) *Если же по злему умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся* [2]; 2) *Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся* [9, т. 34, с. 54].

Однако, в отличие от переориентированных речевых формул проклятия и их рудиментов, данные речевые структуры не связаны с закланиями и всего лишь выражают готовность говорящего подвергнуть себя юридическим и этическим санкциям за клятвopеcтупление.

Изложенное выше предположение о развитии форм объективации речевого акта «клятвы» согласуется с воззрением на эксплицитные перформативы основоположника теории речевых актов Дж.Л. Остина, который говорил о том, что «мы можем сделать по крайней мере одно достаточно обоснованное предположение: исторически, с точки зрения эволюции языка, эксплицитный перформатив должен быть результатом позднейшего развития по сравнению с некоторыми первичными высказываниями, многие из которых (если не все) уже сами по себе являются скрытыми перформативами и входят в качестве составных частей во все или в большинство эксплицитных перформативов» [8, с. 69]. Думается, что переориентированные речевые формулы проклятия и являются теми скрытыми перформативами, на базе которых в процессе исторического развития общества и языка сформировались эксплицитный перформативный глагол *клянусь* и, соответственно, объективирующие речевой акт «клятвы» эксплицитные перформативные высказывания.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М. : Academia, 2002.
2. Военная присяга (от 1939 г.) // Консультант-Плюс: справочная правовая система. URL : <http://base.consultant.ru>.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1979.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Яз. слав. культуры, 2004.

5. Леви-Строс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983.
6. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.
7. Нойман Э. Происхождение и развитие сознания. М. : Рефл-бук, Ваклер, 1998.
8. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–129.
9. Присяга военная (от 1947 г.) // Большая советская энциклопедия : в 51 т. 2-е изд. М. : Большая сов. энцикл., 1950 – 1958. Т. 34.
10. Словарь русского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1981–1984.
11. Словарь славянской мифологии. URL : <http://www.pagan.ru> (дата обращения: 30.06.2013).
12. Степанов Ю.С. Семиотика. М. : Наука, 1971.
13. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Концепт «действие» в контексте мировой культуры // Логический анализ языка. Модели действия / Ин-т языкознания РАН. М. : Наука, 1992. С. 5–14.
14. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М. : Наука, 1988. С. 7–60.
15. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб. : Питер, 2002.
16. Форма всенародной присяги на верность подданства Императору // Тексты присяг на верноподданство государю Императору. URL : http://www.krotov.info/libr_min/16_p/pri/syaga1890.htm (дата обращения: 30.06.2013).
17. Чесноков И.И. Мечь как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры) : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009.
18. Шаховский В.И., Чесноков И.И. Фрустрация – эмоции – дискурс (к теории vindиктивного дискурса) // Языковая личность в дискурсе: полифония структур и культур : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.–Тверь : ИЯРАН, ТвГУ, ТГСХА, 2005. С. 152–159.

Speech act “oath”: origins and primal forms of presentation

There are described the psycho-social origins and primary forms of presentation of the speech act “oath”. There is covered its interrelation with the vindictive discourse and the first human rituals.

Key words: *speech act “oath”, vindictive discourse, strategy of curse, primary forms of presentation, explicit performative verb.*